

УДК 340

**О СООТНОШЕНИИ ПРАВOTВOPЧЕСКИХ И ПPAВOPИМЕНИТЕЛЬНЫХ НАЧАЛ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

*канд. юрид. наук А.Н. ПУГАЧЕВ
(Полоцкий государственный университет)*

Выявляются специфические черты правоприменения в сфере судебного конституционного контроля. Подчеркивается различие между индивидуализацией применяемого закона и его конкретизацией. Указывается на неоднозначность квалификации толкования в качестве стадии судебного конституционного процесса. Конституционный Суд Республики Беларусь рассматривается как орган, занимающий свою нишу в процессах кровообращения и правотворчества, совершенствования действующего законодательства.

Особые черты правоприменения в сфере конституционного контроля следует обнаруживать при сопоставлении деятельности Конституционного Суда с исполнительной властью, для которой правоприменение является основной функцией. Можно выделить следующие специфические черты правоприменения в сфере судебного конституционного контроля:

1) в процессе конституционного судопроизводства очень высок статус заявителей ходатайств в Конституционный Суд (Президент, Палата представителей, Совет Республики, Верховный Суд, Высший Хозяйственный Суд, Совет Министров), и круг их ограничен. Он определяется в части 4 статьи 116 Конституции Республики Беларусь. Однако перечисленных субъектов нельзя отождествлять с участниками заседания в Конституционном Суде. Перечень участников конституционного судопроизводства регулируется не только пунктом 4 статьи 116 Конституции Республики Беларусь, но и статьей 29 Закона «О Конституционном Суде Республики Беларусь». В частности, участниками заседания могут являться не только стороны, но и их представители, свидетели, эксперты, переводчики, специалисты. К тому же, по своему усмотрению в заседании Конституционного Суда могут участвовать Председатели Палат Парламента, Премьер-министр, Председатели Верховного и Высшего Хозяйственного Судов, Генеральный прокурор и министр юстиции. Это означает, что круг субъектов-участников конституционного судопроизводства значительно шире круга субъектов, имеющих право на внесение предложений по поводу проверки Конституционным Судом нормативного акта на соответствие Конституции.

Таким образом, к числу субъектов, обладающих определенным правовым статусом и наделяемых теми или иными процессуальными правами и обязанностями, относятся установленные в законодательстве органы и лица.

Как отмечают В.А. Кряжков и Л.В. Лазарев [1, с. 158], по своей роли, возможностям воздействовать на ход процесса, по характеру заинтересованности в ходе дела участники конституционного судебного процесса делятся на три группы:

- 1) Конституционный Суд;
- 2) стороны конституционного судебного процесса;
- 3) лица, привлекаемые к участию в деле.

Основным субъектом конституционно-судебных процессуальных отношений выступает сам Конституционный Суд, причем он соединяет в себе черты как участника процессуальных отношений, так и органа, разрешающего все вопросы, возникающие в ходе судебного разбирательства;

2) рассматриваемая правоприменительная деятельность обладает высоким уровнем не только по субъектному составу « государственных» участников, но и по содержанию деятельности, «так как в данном случае осуществляется конкретизация норм высшего порядка - конституционных» [2, с. 32];

3) в акте правоприменения оцениваются не столько юридические факты, сколько нормативные акты. В частности, белорусский законодатель прямо предусматривает контроль за конституционностью только нормативных актов (ч. 1 ст. 116 Конституции Республики Беларусь 1996 г.);

4) акт правоприменения, вынесенный Конституционным Судом, не подлежит пересмотру посредством правоприменительной деятельности органов, относящихся к иным системам власти, т.е. ему в полной мере свойственны такие качества, как непререкаемость, исключительность и неоспоримость;

5) в ходе правоприменения, осуществляемого Конституционным Судом, происходит контроль двойного и более ряда норм: норм Конституции и норм оспариваемых нормативных актов. Например, наблюдается двойной контроль в деле, рассмотренном Конституционным Судом за № 3-26/95 (нормы Конституции - нормы закона) [3]; тройной контроль в деле за № 3-37-96 (нормы Конституции - нормы закона - нормы указа) [4].

В перечне предложенных пунктов наиболее дискуссионным и по сей день является тот, где говорится о конкретизации норм, так как в советской юридической науке повсеместно господствовала точка зрения о невозможности «превращения судебного решения в результат правотворческой деятельности» [5, с. 110]. Изучение подоплеку такого подхода позволяет более чётко определить особенности правоприменительной деятельности Конституционного Суда, для которой, по нашему мнению, как раз-то и характерен процесс конкретизации.

Советская правовая доктрина традиционно сводила судебное решение к *индивидуализации* применяемого закона, в то время как процесс *конкретизации* норм права рассматривался как правотворческий процесс по созданию новых норм права и входил в компетенцию только тех органов, которые были прямо уполномочены законом на правотворческую деятельность. Подчёркивалось, что для любого законодательства характерно наличие ряда законов весьма общего содержания, которые не могут быть непосредственно применены на практике без определённой конкретизации. Но эти общие положения подвергались конкретизации только уполномоченными на то правотворческими органами, в результате чего создавались новые элементы правового регулирования.

То обстоятельство, что и по действующему белорусскому законодательству Конституционный Суд прямо не уполномочен на правотворческую деятельность, даёт возможность существовать точке зрения, согласно которой этот орган в своих решениях не может конкретизировать применяемые нормы. И даже Конституция при этом остаётся всего лишь общим положением, от которого будут отправляться каждый раз при разрешении конкретного дела. Поэтому речь идёт всего лишь о логической конкретизации (индивидуализации) содержания Конституции (закона) при применении её к определённым ситуациям, но конкретизация в юридическом понимании, т.е. конкретизация правотворческого свойства, здесь не усматривается. И такая позиция, надо признать, имеет свою мотивацию.

Возможно, во избежание смешения этих двух понятий, характеризующих различные по своему конечному результату процессы, имело бы смысл или говорить о двух самостоятельных процессах конкретизации (логической и правотворческой), или логическую конкретизацию именовать процессом индивидуализации, а в законодательном порядке (через Закон «О нормативных правовых актах в Республике Беларусь») закрепить понятие конкретизации как правотворческого процесса по созданию новой нормы, более детальной по сравнению с тем же законом, но в пределах, установленных самим законом.

Как известно, в числе стадий правоприменительного процесса особое место занимает толкование, и квалификация толкования в качестве стадии правоприменения представляется не всегда однозначной. Несмотря на то, что право нормативного толкования Конституции не предоставлено Конституционному Суду Республики Беларусь, элементы его, отображенные в выносимых заключениях, скорее нормативного, чем правоприменительного потенциала. Нельзя рассматривать правоприменение Конституционным Судом как технический акт трансформации общих норм в индивидуальные. Такой процесс правоприменения «неизбежно влечёт необходимость оценочных суждений и нововведений, которые во многом стирают существующие правовые границы и рамки» [6, с. 40].

Что касается соотношения правотворческих и правоприменительных начал в деятельности Конституционного Суда Республики Беларусь, то, по нашему мнению, заключения Конституционного Суда приобретают нормативный характер автоматически, а не избирательно.

Мы полагаем, что Конституционный Суд должен иметь возможность усовершенствования законодательства через раскрытие сути той же Конституции в свете своего собственного опыта, тем самым развивая право. В каждом случае, решая ту или иную спорную ситуацию, в процессе применения закона к конкретным ситуациям, Конституционный Суд тем самым «обогащает» правовую норму, наполняет её красками и разъясняет её содержание. Толкование и применение законов Конституционным Судом, бесспорно, в чём-то видоизменяет право и (при существенном росте подобных изменений) может привести к необходимости совершенствования, пересмотра закона. Можно убедиться, как непросто провести линию между актом применения закона (с обязательным его казуальным толкованием) и его дальнейшим развитием, уточнением, изменением. Поле нерегламентированных законом отношений становится всё более беспробельным в результате принятия решений Конституционным Судом, и Конституционный Суд как правоприменительный орган в процессе своей деятельности «подпитывает» право, обеспечивая его дальнейшее развитие.

Наша позиция в целом соответствует тем представлениям, которые сложились в юридической науке по данной проблеме. Например, Ю. Качановский считает, что в ходе толкования возможна не только конкретизация и детализация существующих правовых норм, но и выработка новых: «Нет и не будет абсолютной грани между конкретизацией действующего закона и выработкой в дополнение к нему новых норм» [7, с. 113]. Связи между толкованием закона и его применением автор видит прежде всего в

том, что Суд ориентирует других применителей на использование «судебных правил», которые создаются конкретизацией и детализацией норм законов.

Конституционному Суду должно принадлежать право решающего слова по вопросу о том, как должна пониматься Конституция и исполняться закон применительно к конкретному случаю при осуществлении нормоконтроля. Но это не снимает проблемы, которая заключается в том, насколько соблюдается принцип самоограничения судебной власти, очерчивающий границы полномочий правотворческих органов и Конституционного Суда Республики Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кряжков В.А. Лазарев Л.В. Конституционная юстиция в Российской Федерации: Учеб. пособие. - М., 1998.
2. Овсеян Ж.И. Правовая защита конституций. Судебный конституционный контроль в зарубежных странах. - Ростов н/Д: Литера-Д, 1992. - 320 с.
3. О соответствии Конституции Закона Республики Беларусь «О Верховном Совете Республики Беларусь»: Заключение Конституционного Суда Респ. Беларусь от 14 декабря 1995 г., № 3-26/95 // Вести. Конст. Суда Респ. Беларусь. - 1995. - № 4. - С. 161 - 171.
4. О соответствии Конституции и законам Республики Беларусь Указа Президента Республики Беларусь от 20 ноября 1995 г. № 476 «Об утверждении Положения о председателе областного, Минского городского исполнительного комитета»: Заключение Конст. Суда Респ. Беларусь от 18 июня 1996 г., № 3-37/96 // Вести. Конст. Суда Респ. Беларусь. - 1996. - № 3. - С. 19 - 25.
5. Ткачева С.Г. Судебное решение в системе актов применения норм права // Советское государство и право. - 1972.-№9.-С. 107-111.
6. Карпен У. Процесс применения правовой нормы // Очерки методологии законодательства. - Бонн: Германский Фонд международного правового сотрудничества, 1996. - № 3. - С. 39 - 49.
7. Качановский Ю. JUS ET JUSTITIA: право и правоприменение // Право и политика. - 2003. - № 12. - С. 109-114.